

НАША СТРАНА

S E M A N A R I O

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director:

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Central B.Registro Nacional de la Pro-
piedad Intelect. No. 377233TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 6 de septiembre de 1952 •

Буэнос Айрес, суббота, 6 сентября 1952 г.

№ 138

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Медведь и его шкура

С легкой руки адмирала Кэрка, получила известное распространение старая русская поговорка о самоопределении шкуры медведя, который еще гуляет по лесу. Вокруг этой шкуры, которая пока что не проявляет никаких признаков самоопределения, развивается жестокая борьба иллюзий.

Не следует думать, что иллюзии есть нечто неумовимо-воздушное и трогательно-беспомощное: все в мире орудия стреляют, главным образом, во имя и л ю з и и. Вот, только что мы пережили чисто орудийную жизнь иллюзии о высшей расе и об унтерменшах, теперь мы стоим перед орудийным решением вопроса о некоторых принципах, изложенных в “Капитале” Карла Маркса. Орудийные навотники этого, конечно, не понимают, но ведь их никто и не спрашивает... или почти никто.

Литературный образ медведя и его шкуры довольно прочно врос в быт политической эмиграции. Принципиально он правилен: раньше нужно убить медведя, а уж только потом заботиться о судьбе его шкуры. Голая и прозаическая практика вносит, однако, в этот образ очень много поправок. Первая из них сводится к тому, что для того, чтобы убить медведя нужно его у б и т ь. В добрые старые времена для этого пользовались рогатиной — разумеется, люди физически к этому приуроченные. Сейчас охотники предпочитают штуцер с разрывной пулей. Но ни прежде, ни сейчас никому бы, вероятно, не пришла в голову идея итти на медведя, имея на вооружении перочинный ножик. Этим ножиком можно ткнуть медведя в подходящее место, от чего его ярость утроится и он вас съест.

Все эти расчленительно-самоопределяющие проекты имеют, в сущности, только это — перочинное — значение: больше они не имеют никакого. Они дают в руки Сталина самое страшное оружие, которое только может попасть в эти руки. Но никакого иного значения они не имеют.

Один из монархистов-солидаристов. — группы очень распространенной. — пишет мне, в частном письме, что он уважает солидаристов за их энергию и за то, что они ни на какие расчленительные проекты не пойдут. А

если и подпишут их за границей, то потом у себя дома — “все равно надуют”. Конечно, надуют!

Сейчас, в истинно вегетарианские и непротивленческие времена Кореи, Катыни и прочего в этом роде, люди как-то стыдливо потупляют свои глазки перед очень простым и исторически бесспорным вопросом о применении с и л ы: но, ведь, и Третий Райх был ликвидирован вовсе не проповедью антинацистского вегетарианства. М-р Дж. Кеннан сделал нам, русским, легкий попрек в том, что мы, де, очень уж высоко оцениваем “фактор силы”. Действительно, — оцениваем. Однако, только с той оговоркой, что в “фактор силы” мы вкладываем не только статистику производства стали и дерева, но и фактор готовности отдать свою жизнь за известную идею — в нашем случае за вот ту идею “Матушки Руси”, о которой писал более или менее самоопределившийся “Свободный Кавказ”. Сила, сама по себе, никаким пороком не является. Она может стать пороком, если она применяется в уголовных целях, и может стать добродетелью, если она применяется, — как это было в русской истории, — для целей сближения и объединения, не говоря уже о голой защите. Мне очень жаль, что термин “христолюбивое воинство” приобрел в эмиграции цену стерттого пятака. А это — термин очень глубокой значимости, и не было в мире армии, которая так близко подходила бы к осуществлению “мира миров”, как это делала русская армия. Однако, на стертном пятаке этого не заметно.

Теперь я позволю себе высказать совершенно еретическую мысль: в нынешней Красной армии идея Христолюбивого воинства выветрилась все-таки не совсем. И трудно было бы ожидать, чтобы национально-религиозный инстинкт, строивший Россию двенадцать веков, начисто выветрился бы в течение тридцати лет.

Идея братства трудящихся всего мира, была всечеловеческой идеей, хотя на практике она и приняла бесчеловечные формы. Так случилось не только у нас. Тридцатилетняя война в Германии, принявшая формы еще похуже наших революцион-

ных, велась во имя д в у х христианских идей — католической и протестантской. О других вариантах христианских религиозных войн не стоит и говорить.

Во Вторую Мировую войну Красная армия, составленная из всех национальностей России, не воевала до тех пор, пока у нее оставались иллюзии по поводу гитлеровской политики. Кончились иллюзии — началась война. Власовская Армия, тоже составленная из всех национальностей России, по самому своему существу стояла на той же точке зрения, что и Красная армия — она, эта Власовская Армия, возникла на почве иллюзий относительно гитлеровской политики, но на расчленение России не пошла. Словом, “обе армии”, одинаково состоявшие из всех национальностей России, стояли все-таки на одной и той же принципиальной точке зрения: на точке зрения государственного единства России. Красная армия отстаивала это единство под “главнокомандованием” Иосифа Сталина. Власовская — надеялась его отстоять при помощи Адольфа Гитлера. И обе армии к самому Сталину относились, собственно говоря, одинаково. Не вина ген. А. Власова в том, что безумие гитлеровской политики не было остановлено даже и поражением его армии, впрочем, в 1942—43 г. г. эту политику уже было почти невозможно остановить. И не вина Красной армии, что все разговоры о “полегчании”, все надежды на западных союзников оказались эфемерными.

1941 год повторил, собственно говоря, Отечественную Войну 1812 года. Государственную независимость и целостность страны масса, — и не только великорусская, — поставила выше и первого и второго крепостного права. Это есть ф а к т. Оценивать его можно по разному, но изменить его н е л ь з я. Если бы мне сейчас предложили расчлененную Россию без Сталина, или единую под Сталиным, — я бы предпочел расчлененную без Сталина, исходя при этом, в частности, из того соображения, что расчленение России можно удержать только вооруженным путем и на срок едва ли больше лет пяти. Очень возможно, что эти пять лет были бы хуже даже и сталинских, но за ними был бы

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
МЕДВЕДЬ И ЕГО ШКУРАВладимир Рудинский
МЫСЛИ О НАШЕМ БУДУЩЕМПолк. С.
ПЕРЕД ВЫБОРАМИ
(статья третья)Николай Кремнев
КОНОКРАДЫИ. Богданович — И. Солоневич
ПО ПОВОДУ
“НАРОДНОЙ МОНАРХИИ”

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Juan Solonewitsch
TERCERA GUERRA MUNDIAL
DURARA TRES MESESГлеб Томили
ДВЕ СИЛЫИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

просвет какой-то настоящей жизни в настоящей России. Пока никакого просвета не видать.

Таким образом, я вовсе не утверждаю, что я думаю именно так, как думает русский народ, или, что русский народ думает так, как думаю я. И я, и русский народ преданы православию, но я все-таки не предполагаю, чтобы встреча со священником на улице или дороге означала бы неудачу, и что в качестве противоядия против этой встречи нужно три раза плюнуть через левое плечо.

Дело осложняется еще и тем, что когда мы говорим о русском народе или о народе России, или о народах России, мы оперируем до чрезвычайности расплывчатым понятием. Из всех “национальных” определений наше русское, может быть, наиболее расплывчато. Н. Мельников в “России” приводит выписки из какой-то книжки “Д.А.Р.” (я не знаю, что это значит), озаглавленной “Подготовка к гражданству “и выпущенной “Национальным Обществом Дочерей Американской Революции”. В книжке сказано, что САСИ “едины и неделимы”, почти так же, как это говорилось в Белой Армии. Что нация — едина, что ни один штат не может стелиться от Союза, что “нация едина и что

нет ни итало-американцев, ни испано-американцев, ни германо-американцев, а есть только просто американцы". Дальнейшие призывы Н. Мельникова о "праве" не имеют, конечно, никакого значения. Но, в общем: "единая и неделимая". Можно было бы добавить, что Америка прошла по дороге к этому единству несколько иной путь, чем прошла Россия. Как в России, так и в Америке, есть области, где государственного языка не знают, но в Америке было то, чего никогда не было в России: одно время в качестве общегосударственного языка выдвигался немецкий язык, и немцы до сих пор простить себе не могут, что они этот момент проворонили.

Когда мы говорим о "народе России", мы сознательно или бессознательно признаем и все огромное разнообразие внутри этого народа, и все его единство. Вот, только что литературная эмиграция чувствовала русского писателя Газданова — чистокровного осетина: чем чувствует себя Газданов? Осетином по рождению, великоруссом по языку творчества, или просто русским по общности культуры? Не так давно, в одну из ставших хроническими катастроф моей жизни, я почти два месяца провел у другого осетина г-на Г., который и с русским языком справился еще не вполне. Если бы у нас в России таких осетин, как г-н Г., было бы раз в сто больше, — никакая революция у нас не была бы возможна. Не так давно скончался в Германии тамошний представитель "Нашей Страны" — Федор Федорович Зейберлих, стопроцентный рижский немец, протестант, — он был русским монархистом, ходил в православную церковь, а во время немецкой оккупации строил наши ячейки в Киеве и Екатеринославе, рискуя быть накрытым и немецкими властями и русскими солидаристами.

По целому ряду соображений говорить сейчас о нашем политическом активе совсем не время. Думаю, что "инородцев" среди него что-то около половины. Да и я сам, с Эчисоновской точки зрения, тоже чистокровный инородец. Стопроцентная жертва великороссийского шовинизма и империализма. Великороссы двести лет пили мою кровушку. Выпили всю — остались кожа, кости и кое-какие мускулы. В этом последнем отношении со мною из всех известных мне лично людей эмиграции мог бы, вероятно, конкурировать только один человек: великодержавный шовинист В. Байдалаков. Надеюсь, что до этой конкуренции не дойдет. Если бы дошло, то я никому не посоветовал бы ставить ставку на В. Байдалакова.

Словом: реальный исторический опыт Наполеоновской войны, Первой Мировой, Революции, Второй Мировой доказал, что Россия — это не Империя в римском или британском смысле этого слова, не Commonwealth — в сегодняшней терминологии

распыления Британской Империи. Это — сто девяносто шесть сиамских близнецов, которые **срослись** в политическом, экономическом, бытовом, культурном и всяком ином смысле этого слова. И в среде которых каждый дурак понимает, что отделение означало бы такую потерю крови, которую Великобритания выдержала бы, а Грузия не выдержала бы **никак**: она, в частности, была бы съедена Турцией.

Е Р Е С Ь

Если рассматривать вещи вот с этой точки зрения, то нужно будет сказать совершенно еретическую мысль. Эта совершенно еретическая мысль сводится к следующему:

Объединение всей Российской эмиграции для ее непосредственно антибольшевистской борьбы не играет **абсолютно никакой роли**.

Я уже не буду говорить о каких-то там Будерацких, которые пытаются выудить у эмигрантских простачков сто долларов, — но даже и такие "центры", как правый в Нью-Йорке, или левый в Мюнхене, — для антибольшевистской борьбы **совершенно безразличны**. И если "наивняки" эмигрантской печати судорожно разыскивают в наших внутренних спорах таинственные влияния сталинской агентуры, — то на то они и наивняки (извините за одессызм, по-русски это звучало бы грубее). Объединится ли или не объединится Авторханов с Чухновым, или Керенский с Рыбаковым, это для СССР и его "населения", **совершенно и абсолютно безразлично**. Все равно, в России Авторханова не знает, вероятно, вообще никто, о Керенском знают только, что он шляпа, о Солоневиче только то, что он был физкультурником и халтурщиком, потом кое-как стал "писателем". О Будерацких, Александровичах, Рыбаковых, Чухновых, Константиновых никто не имеет абсолютно никакого понятия. Так что, если Дон Левин еще раз тряхнет своей мощной и наберет еще тысячу мертвых беспартийных душ, то ни на кого в России это не произведет никакого впечатления.

Совершенно свежий и совершенно бесспорный исторический пример: ген. А. Власов был в России, конечно, известен. И в Красной армии был, вероятно, очень популярен: боевой генерал, спаситель Москвы, рабоче-крестьянского происхождения, выступал по радио и в печати — и в оккупационных зонах России и на страницах многообразной оккупационной прессы, и **никакого** впечатления на Красную армию все это не произвело. Ибо Красная армия, и "племена ныне населяющие территорию Советского Союза" видели совершенно ясно, что судьбы и цели войны решают не А. Власов и не В. Байдалаков, — их решают А. Гитлер и А. Розенберг.

Совершенно такая же расстановка сил повторяется и сейчас.

Полк. С.

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В САСШ

3

Оба, и республиканский и демократический, кандидаты обещают мир, если только будут выбраны президентом САСШ. Оба верят в теорию — "хочешь мира, готовься к войне", т. е. что вооружившись до зубов, можно избежать войны. Но история и 2000-летний опыт различных народов, населяющих нашу планету, не оправдывают эту теорию. И несмотря на колоссальные вооружения, — своего рода страховку против войны, неизбежность таковой очевидна для всякого более или менее здравомыслящего индивидуума. Эта неизбежность, так называемой, Третьей войны есть следствие политики, проводимой Рузвельтом и Труманом, с одной стороны, и Эттли и Черчиллем, с другой. Если война есть продолжение политики, то не только война, ее стратегия, но и мир, по окончании таковой, должны находиться в руках профессионалов, а не любителей. В течение семи лет после войны любители пытались установить мир всего мира. Неспособность правительства поймать психологический

момент, когда и как заключить прочный мир, очень характерна для современной эпохи. Теория — тянуть перемирие до бесконечности, в надежде, что это даст возможность заключить более выгодный мир — не оправдала надежд. И если вспыхнет война между САСШ и Советами, то одной из причин этого будет то, что правительство САСШ не заключило немедленно мир с Германией, не восстановило ее экономический и военный потенциал и умелой политикой не превратило ее в друга и надежного союзника. Вторая причина — создание коалиции, для организации, вооружения и поддержания которой, архитекторы таковой ухлопывают миллиарды долларов доводя собственную страну до полного экономического истощения. А коалиция эта является коалицией несогласия, коалицией самых противоположных интересов, коалицией неизбежных нейтралитетов в предстоящем конфликте.

Предполагаемое вооружение Германии, к тому же ограниченное двенадцатью дивизиями, слишком запоздало и не может

В Фюссене, в Мюнхене, в Висбадене или где угодно, русская эмиграция может договариваться как ей будет угодно и о чем ей будет угодно: все равно, для СССР это не имеет ни к а к о г о значения. Вся русская, или российская, эмиграция оказалась почти совершенно единой в вопросе о единстве и сохранении русской государственности. Крайние правые — вроде Н. Чухнова — считают это просто само собою разумеющимся, крайние левые — вроде Б. Николаевского — говорят в сущности то же, что говорит Н. Чухнов, или я. Б. Николаевский, само собою разумеется, **принципиально** стоит за право самоопределения вплоть до отделения, но **практически** — против реализации этого права. Так что, в общем, все равно: назовем ли мы русское государственное единство Империей, или федерацией, конфедерацией или даже контрфедерацией, системой автономий или областничества, от всего этого дело не меняется. Российская "республика" и сейчас является "федеративной". А вот попробуйте "самоопределиваться". Вам покажут таких "дочерей американской революции", что вам и русская в овчинку покажется.

На путях к единству русской государственности фактически уже объединилась вся эмиграция России, само собою разумеется, что австрийские униаты к эмиграции из России не имеют никакого отношения. Не играют никакой роли и полдюжины дядей, которые за сотню долларов готовы подписать, что угодно. Мы можем констатировать тот факт, что вся эмиграция, вышедшая из России **б е з у с л о в -**

н о стала на точку зрения нашего государственного единства.

Еще один совершенно конкретный пример. Ген. Власов говорил о величии России. А Гитлер выпустил журнал об "унтерменше". Всякий Иван Степанов понимал совершенно ясно: ген. Власов не решает ничего, — решает А. Гитлер. Сейчас хотя бы тот же Б. Николаевский извивается ужом: принципиально за самоопределение... но практически... И в то же время президент САСШ Г. Труман шлет приветственную телеграмму съезду профессиональных расчленителей России, а министр иностранных дел САСШ г-н Эчисон призывает покончить с пятисотлетним великорусским империализмом и загнать кацапов обратно в их паршивую Московию. Скажите, пожалуйста, **положа руку и голову**, кого же примет Иван Степанов **всерьез** — Николаевского с Чухновым или Трумана с Эчисоном? И о чем будет говорить советская пропаганда: о висбаденских попытках связать какое-то рваное "либо"-"либо": либо помилуем, либо съедим, или о трумановско-эчисоновских официальных заявлениях? И — на фоне вот этих последних, — какую политическую весомость имеют все эти центры, объединения, вся та человеческая мелочь, которая пытается урвать сотню долларов, кто от эмиграции, а кто от Дон Левина? Мне кажется совершенно и абсолютно очевидным: на фоне эчисоновской политики все наши объединения не стоят **ничего**. По крайней мере, для Ивана Степанова.

(Продолжение следует).

Иван Солоневич.

на много увеличить силы коалиции. Кроме того ратификация договора о заключении Германии в оборону Европы, умышленно оттягиваемая членами коалиции, висит пока в воздухе. А при неустойчивости правительств г. Пиней и г. Аденауэра и наличии сильной оппозиции не только во Франции и Англии, но и в самой Германии, возможность быстрого проведения в жизнь этого договора весьма проблематична.

Взаимное недоверие и противоположные интересы членов коалиции два раза спасли советский режим от гибели — в 1918-1920 и в 1941-1945 г. г. Какие данные за то, что эти самые обстоятельства не повторятся в 195? году?

Оба противника — САСШ и Советы в основу своей стратегии ставят выигрыш времени. Стратегия г. Трумана и г. Эчисона — организовать и вооружить возможно большее количество дивизий, число которых к 1955 г. они предполагают довести до 55 или 60. Стратегия Советов — тоже выигрыш времени, но не для создания новых дивизий. При наличии 175 советских, плюс 60—65 дивизий сателлитов, плюс 3½ миллионная организуемая китайская армия — живой силы у Советов более чем достаточно. Выигрыш времени им нужен для другой цели, о чем я пишу ниже. А сейчас я хочу сказать несколько слов о стратегическом положении противников, выгодных и невыгодных сторонах та-

когого. И только с чисто военной точки зрения.

Географическое положение Советской России весьма выгодно для Советов. Занимая центральную позицию между Европой и Азией, Красная армия будет вести войну по внутренним операционным линиям, что дает ей все преимущества перед Американской, которая должна будет действовать только по внешним, находясь в тысячах миль расстояния от своих главных баз снабжения и питания, подставляя под удары противника свои коммуникационные линии, как на море, так и на материке. При действии по внутренним операционным линиям требуется гораздо меньше сил, нежели для действия по внешним. Такое выгодное географическое положение дает возможность Гитлеру нанести своим противникам ряд поражений в 1939—1942 г.г. Положение Советов гораздо лучше, находясь в центре только Европы, могла наносить свои удары до тех пор, пока ее коммуникационные линии и промышленные центры были вне досягаемости воздушной бомбардировки союзников или подвергались ей в весьма незначительной степени. Но как только, вследствие ограниченности территории занимаемой Германией, бомбардировка достигла известной силы — положение Гитлера стало невыносимым. Советская Россия избавлена от этого. Она занима-

ет центральное положение между Европой и Азией на протяжении нескольких тысяч миль и ее коммуникационные линии, особенно в центральной России и Сибири, находятся в почти полной безопасности. То же самое можно сказать и об ее военной промышленности, сосредоточенной главным образом за Уралом.

Выигрыш времени нужен Сталину не для организации новых дивизий. При наличии имеющихся в его распоряжении и при желании Европы драться, он может ее захватить в очень короткое время. Но Сталин не хочет повторить ошибку Гитлера. Он знает, что сражение можно выиграть имея численное превосходство в дивизиях, но войну выигрывает только тот, у кого военный и экономический потенциал сильнее, т. е. говоря обыкновенным языком — тот, у кого материальных (экономических) и военных ресурсов больше. И при столкновении с таким могущественным противником, как САСШ, Сталин не хочет рисковать до времени и поставить себя в положение, при котором он не сможет выиграть последнее сражение. Чтобы показать, какое громадное влияние имеют материальные ресурсы на исход войны — возьму для примера производство стали. В 1920-1922 выработка стали в России была ничтожной. В 1930 добыча железа и выработка стали почти равнялась германской. С 1945 по 1951 выпуск стали с 12 миллионов

поднялся до 32 миллионов тонн в год. Весьма возможно, что к 1955 г. выработка стали дойдет до цифры 50 миллионов тонн. Правда, САСШ могут производить в два раза больше. Но с военной точки зрения миллион тонн стали, вырабатываемый Советами, гораздо ценнее для войны, чем тот же миллион тонн стали, вырабатываемый САСШ. Потому что в то время, как Советы могут всю вырабатываемую сталь направить на военные нужды, американское правительство вынуждено громадную часть стали направить для нужд населения. То же в области нефти, угля, электрической энергии, продуктов питания и пр.

Таким образом, Сталин рассчитывает, что к 1955 г. экономическое положение Советской России и ее ресурсы будут в таком состоянии, что он сможет сделать открытый вызов САСШ, имея все шансы на победу. Его главная цель теперь — выиграть время, время и еще время. Но, как и накануне Второй войны, он может ошибиться в расчете. Все теперь зависит от американских ноябрьских выборов. Будет ли продолжаться политика демократической партии в лице Трумана, Эчисона и их преемников, или, и политика, и методы войны с коммунизмом перейдут в руки республиканцев — ген. Айзенхауэра и сен. Никсона, а стратегия будет проводиться в соответствии с планами ген. Мак Артура — покажет недалекое будущее.

рали ее и почему московский посад отдавал свои последние рубли? Казалось бы, избавились от "деспота" — и слава Тебе, Господи.

Однако, при пленении Василия, потом при "уходе" Грозного, раздражались "вопом и плачем", собирали для Василия свои последние рублишки, молили Грозного сменить гнев на милость, не допустили после Смутного Времени никаких конституционных попыток, и вообще за своего царя держались крепко и поддерживали его еще крепче. Кто был умнее? — Москва XIV—XVII столетий или петербуржцы 1917 года?

...Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, — какая великая безмозглость спустилась на страну. Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге, — эти стада: проклятое, кровавое самодержавие — кончилось! Над миром восстает заря, лишенная "аннексий и контрибуций", капитализма, империализма, самодержавия и даже православия: вот тут-то заживем! По профессиональному долгу журналиста, преодолевая великое отвращение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом Дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба.

Они были счастливы — эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами — и гражданскими и мировыми, полным опустошением половины России, — пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, — они считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: двадцатый век, культура, трамвай, Карла Марла, ватерклозеты, эс-эры, эс-деки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, — и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторов...

ем. По существу же, в Новгород прорвались феодальные понятия европейского запада. Во всех этих попытках отделиться, отгородиться от своего центра, к нам снова прорываются западно-европейские политические отношения. Во всех попытках подавить княжескую власть прорываются те же тенденции земельного и торгового феодализма, которые стали поперек пути и итальянскому и германскому объединению. Новгород веками был торговым посредником между Россией и Европой: новгородские верхи, как и в Литве, восприняли западно-европейскую идеологию, низы, как и на Литве, стояли за царя. Судьбы и Литвы и Новгорода оказались одинаковыми. Можно бы привести более поздний пример: казачья старшина на Украине, которая тянула к Польше и низы, которые тянули "под царя московского православного"... Можно бы привести и другие иллюстрации: почему Псков, Вятка и Двина старались отделиться и отделились и почему Урал (Строгановы и Демидовы) и Сибирь (Ермаки и Хабаровы) не пробовали и не отделились? Почему в решающий момент новгородские пригороды стали против Новгорода и в такой же момент (Смута) и Урал и Сибирь, и Поволжье, и Север сделали все, что могли для спасения Москвы?... Таких примеров, иллюстраций и вопросов можно бы набрать очень много...

Энциклопедические словари, подобно младенцам, иногда глаголют истину, ибо им ставится не пропагандистская, а чисто информационная задача (Советская энциклопедия является, конечно, счастливым исключением). Наш историк Москвы, И. Забелин, в своей статье в словаре Брокгауза и Ефрона, т. 38, стр. 934 пишет:

"В истории города очень видное место занимал и московский посад, под именем Черни (отсюда "черная сотня". И. С.), которая в опасных случаях, когда ослабевала или вовсе отсутствовала преобладающая власть, не раз становилась **могучей силой**, защищая от напасти свой излюбленный город, иногда не без своеволия и не без свирепых **маслий**. Так было при нашествии Тохтамыша в

Владимир Рудинский

Мысли о нашем будущем

Один из излюбленных аргументов всякого рода противников монархической идеи является следующий: Вы говорите о монархии вообще, но это — нечто совершенно неопределенное под чем можно подразумевать много различных вещей; нет, вы нам разъясните конкретно вашу программу по земельному вопросу, вопросу социального обеспечения, и так далее, и тому подобное. Иногда монархисты попадают в эту ловушку и начинают изобретать во всех подробностях планы переустройства России. Но в подобном случае сразу же вскрывается, что в их среде существуют расхождения, о которых они не в состоянии договариваться, и между ними завязываются споры, каковые, естественно, очень на руку их врагам. Наша ошибка сводится к попытке — по выражению французской поговорки — поставить телегу впереди лошадей.

Реальная задача — прежде чем отделять мелкие детали сложной машины, составить ее общий чертеж, наметить ее схему. Так, скажем, во всякой религии ее суть заключена в некоторой основной идее, а обряды вырабатываются и закрепляются в процессе жизни: абсурдно составлять молитвы, не имея представления о том, к какому богу они обращены. Нам не ка-

жется очень страшным, что русские монархисты не могут сейчас сговориться между собою о земельном или национальном вопросе. Всякое решение этих проблем получило бы настоящий вес лишь когда оно рассматривалось бы в свете создавшейся в России после ликвидации большевизма обстановки. И мы полагаем, что напрасным было бы с нашей стороны стараться заманить сейчас русский народ соблазнительными обещаниями, так или иначе устранить все противоречия, удовлетворить все желания. При таком состоянии у политической партии тем больше преимуществ, чем она менее добросовестна. Легко посулить, что угодно, если заранее решить не выполнять принятых на себя обязательств.

Нам нужно привлечь сердце нашего народа к монархической идее в целом. Надо, чтобы он почувствовал ее величие и красоту. Вспомним мудрые слова подсоветского крестьянина, которые передает Н. Февр: "Нам бы хотелось справедливую власть". Если русский народ нам в этом поверит, — а это правда, — что мы хотим, чтобы все делалось по справедливости, что Царь будет заботиться прежде всего о том, чтобы все делалось в духе Божьей Правды, чтобы никто не был напрасно обижен — его сим-

патии прочно повернутся в нашу сторону. Решение всех отдельных проблем заключено в этом взгляде на вещи; и для русских как народа в целом всегда было важнее действовать по совести, чем урвать себе ту или иную порцию непосредственных благ. Национальное или религиозное угнетение становится невозможным для власти, одушевленной подобным принципом, и мы можем спокойно ждать, что она во всем проведет самые нужные и правильные меры. Более того, даже ошибки, неизбежные по человеческой слабости, не должны нас пугать: народ их отнесет за счет исполнителей, не обвиняя в них ни правительства, ни его принципы. Ненависть может появиться у него, если он увидит, что власть служит не интересам страны, а выгодам отдельной группы или партии, или общей идее не соответствующей духу России, как это имеет место с большевизмом. Опыт коммунистической революции будет здесь служить нам на пользу; самая возможность ее была обусловлена десятилетиями лет подготовительной пропаганды; и этот же опыт может нам не допустить ее повторения.

С того момента, когда Россия начнет смотреть на возрождение монархии как на возврат к своей национальной идее, как на залог своего могущества, для нас перестанут быть опасны внешние враги. И напрасно некоторые заостряют сейчас вопросы о

формах, титулах, постах и т. д. В русском характере, в его подлинном виде больше широты и меньше завистливости, чем где-бы то ни было на Западе. Советские маневры демагогии привели к отмене чинов в армии — но возврат к ним не вызвал никакого возмущения. Какие-либо звания вроде, скажем, губернатора или сенатора, будут значить то, чем их носители в действительности будут. Можно создать новые термины или вернуться к старым — дело не в этом, важно лишь, чтобы учреждения или чиновники были полезны государству и с успехом справлялись с своей ролью.

Мы лично полагаем, — высказывая это мнение как гипотезу, — что восстановление монархии неизбежно повлекло бы за собою возрождение гораздо большего количества старых форм, чем мы все обычно думаем. Трудно представить себе монархию без двора; но существование двора, гвардии, переустройство дипломатической службы, внесут в жизнь России более глубокие перемены, чем мы сейчас представляем. Нам невольно вспоминается фраза кого-то из советских писателей — то ли Лавренева, то ли Эренбурга: "Там, где народы еще имеют монархов, они предпочитают, чтобы те жили во дворцах". Русский народ — который многие из нас склонны почему-то представлять воодушевленным эгалитарными тенденциями — потребует от Царя, чтобы он был

1382 году, так было в 1445 году, когда Вел. Кн. Василий Темный на суздальском побоище был взят татарами в плен, так было в 1480 году, при нашествии царя Ахмета, когда Вел. Кн. Иоанн III медлил походом, а затем из похода возвратился в Москву. Посад так вознегодовал на это, что Великий Князь побоялся даже остановиться в Кремле и проживал некоторое время на краю города, в Красном Селе. Точно так же действовал посад и в Смутное время... Простые граждане Москвы, ее тяглецы, относились к политическим интересам своего города с **большой горячностью** и с **напряженным вниманием следили за действиями преобладающих властей**...

Напомню читателю обстановку 1480 года. Между Польшей и Ордой был заключен военный союз против Москвы, лишней раз иллюстрирующий теорию "защиты Европы". Татарский хан Ахмет, рассчитывая на этот союз, — двинулся к Москве, но не с востока, как обычно, а навстречу своему союзнику — к верховьям Оки. Иван III ждал неприятеля на традиционных татарских путях к Москве — и когда Ахмет очутился на Угре, царь Иван III, после длительного стояния против татарского лагеря, — вернулся в Москву.

Москва встретила его чрезвычайно невежливо. Ростовский епископ Вассиан обозвал его "бегуном", посад негодовал, и великому князю буквально не было ходу: на улицах его пытались и за бороду драть: а это был первый о ф ф и ц и а л ь н о самодержавный государь Москвы.

Я не берусь сказать, чем была вызвана нерешительность великого князя. Очень вероятно, что о "мировом положении" он был осведомлен лучше московского посада: "Защите Европы" от азиатского и европейского варварства помог Крымский Хан, который ворвался в Польшу и сорвал польскую помощь Ахмету. Ахмет, перезимовав на Угре, бросил московский поход и отступил на восток, где и был благополучно зарезан

ногайскими татарами. Таким образом, Москва была спасена без пролития русской крови. Иван оказался более прав, чем москвичи. На такую возможность намекает и Маркс: "Так Иван погубил одних татар при помощи других". Однако, нас интересуют не военные обстоятельства очередного татарского нашествия. Интересно другое: Олеарий и Герберштейн, за ними Флетчер и другие, повторяют тот мотив, который впоследствии делается господствующим и в русской исторической литературе: Москва — это царский абсолютизм по восточному образцу, а под ним, под этим абсолютизмом, бесправное и безгласное стадо рабов.

Если вы примете эту картину мало-мальски всерьез, то целый ряд явлений московской жизни останется для вас совершенно непонятным. Откуда, при этом всеобщем рабстве, взялся горячий интерес к политическим вопросам, откуда, и главное з а ч е м , напряженное внимание к действиям власти? Откуда взялась политическая активность, обгоняющая замыслы самодержцев и ставящая им, самодержцам, какие-то подчас грубые требования? Почему московские низы, — прямые наследники владимирских мизинных людей, — так горячо любили свой город, свою страну и с таким упорством и самоотвержением защищали их — даже и тогда, когда в Москве не оставалось ни царей, ни даже бояр? Почему, когда московским великим князьям приходилось попадать в плен к татарам, то вся Москва, начиная от именитых людей Строгановых и кончая последними посадскими людьми, собирала все, что могла, для выкупа своего князя? Когда Василий Темный попал в татарский плен, Москва, при содействии Строгановых, собрала для выкупа двести тысяч рублей. Для того, чтобы дать себе отчет в огромности этой суммы по тогдашним масштабам, вспомним, что тот же Василий Темный, разгромив Новгород, наложил на него дань в 10.000 рублей, а после Смутного времени, то есть, полтора десятилетия спустя, Москва по Столбовскому миру уплатила Швеции контрибуцию в 20.000. Двести тысяч были совершенно неслыханной суммой. Зачем же москвичи соб-

окружен блеском, ибо величие Царя означает величие России вне ее пределов, значение ее правительства внутри.

Сейчас некоторые политические группировки — по счастью главным образом не монархические — много говорят о будущем "ведущем слое", "отборе" и т. д. Существование и права такого класса будут осуществляться его необходимостью для осуществления общей идеи; его состав и его права будут такими, какие будут на пользу Царю и Народу. Как сейчас сказать, какие будут нормы жалования, какие будут привилегии у тех или иных правительственных служащих? Можно предположить одно: все это будет установлено по мере разумения, так, чтобы их служба давала настоящий плод.

Можно, однако, быть уверенным, что народ самым решительным образом не захочет — и есть все основания надеяться, что Царь никогда не допустит — возникновения некоего средостения в виде политической партии, с выдвижением по линии идеологической выдержанности и партийного стажа, а не в зависимости от способностей и общественной пользы. Пример компартии и национал-социализма слишком ясно показывает всем и каждому, что получается из подобной системы.

Воссоздание сильного и многочисленного духовенства, монастырей; свободная пресса; свободный капитал — все это ворвется в жизнь едва освобожденной от советского рабства России, как могучая струя, вызывая глубокую реконструкцию везде и во всем. Как сейчас предвидеть все конфликты, все осложнения, все блестящие успехи будущего?

Наметим направление — это уже очень много.

Владимир Рудинский

В ближайшие дни выходит из печати книга
Бориса Ширяева (А. Алымова)

Ди Ни в Италии

ЗАПИСКИ ПРОДАВЦА КУКОЛ

Цена — Ам. долл. 3.—
В Аргентине — песо 35.—

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
книга Проф. М. В. Зызыкина
ТАЙНЫ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.
Цена 4 ам. долл.

Заказы адресовать:

Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina

или Представителям "Нашей Страны" на местах.

На складе у всех представителей
"НАШЕЙ СТРАНЫ"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
"ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ"
Цена 2 ам. доллара

По поводу „Народной Монархии“

Многоуважаемый
Иван Лукьянович,

Пользуясь Вашим приглашением указать спорные места в "Народной Монархии", я хочу коснуться Ваших отзывов о "русской военной науке".

За свое пребывание в Военной Академии и в бытность в гвардии и в армии мне никогда не приходилось слышать ссылок "дидактического" характера на Собесского, кроме упоминаний об его снятии осады Вены; а о каком-то Колелони я только теперь впервые услышал от Вас.

Из эпохи Возрождения русская военная мысль интересовалась, как и все тогдашние европейские военные круги, полководцами древности.

Об эпохе "польского вырождения", в смысле влияния ее на русское военное дело, мне также никогда не приходилось слышать.

Ни у итальянцев, ни у поляков наши генералы военному делу не учились.

Было у нас в России преклонение перед Фридрихом Великим и Наполеоном, но это преклонение в других государствах носило более яркий и упорный характер, чем у нас. Франция того времени буквально лежала ниц перед Фридрихом. У нас наша армия впервые соприкоснулась с военными идеями Потсдама во время коалиционных войн, когда европейские армии крепко усвоили себе эти идеи. Около ста лет тому назад в нашей Военной Академии начался бурный сдвиг в сторону русской национальной военной доктрины и истории русского военного искусства; появился целый ряд трудов крупной военно-исторической ценности, учреждена была в Академии кафедра по истории русского военного искусства. Но борьба так называемых "западников" с последователями русской национальной доктрины не утихла: во время предшествовавшее I мировой войне у нас во главе "западников" стояли — военный министр Сухомлинов и будущий начальник штаба Верховного Главнокомандующего — Алексеев.

В ссылках на Клаузевица не надо забывать, что этот большой военный мыслитель провел наиболее интересные в военном отношении 1812—14 годы в рядах русской армии и в ее штабах на очень скромных ролях; он никак не влиял на боевую деятельность нашей армии, а, вероятно, даже учился на ней.

Ваши ссылки на Петра I на Пруте, как на пример военной безграмотности, будут носить совершенно другой характер, если не упустить из виду следующее. После погрома под Полтавой, как известно, Карл XII убежал в Турцию, где и находился, хотя и в почетном, но все же в плену; Порта его придерживала как полезного ей военно-политического советника. При его содействии была спланирована вся кампания 1711 года, закончившаяся Прутом, где до известной степени Карл XII в военном отношении

получил реванш за Полтаву. Его же замысел — унижить царя до степени собственного несчастья — турецкого пленника — не удался.

Кампания 1711 года продолжалась немного больше шести месяцев; противники (турки, крымские татары и поляки) в начале года сильным броском дошли до линии Харьков-Киев, откуда Петр Первый выгнал их за пределы России. Будучи занятым на севере войною со Швецией, он мог дать на юг только очень и очень ограниченные силы; в решительный же момент сербы и молдаване, обещавшие поддержать численно русскую армию, этого не сделали, по крайней мере — в обещанных размерах; и на Пруте наши противники превосходили нас численно в пять раз.

Вот что хотелось сказать Вам, прочтя в № 120 "Нашей Страны" страницы 52 и 53 "Народной Монархии".

Уважающий Вас

П. Богданович

**

С удовольствием помещая письмо полк. П. Н. Богдановича, я в сущности не вижу, в чем могли бы заключаться наши разногласия, если не принимать во внимание типографской опечатки: я писал не о "Колелони", а о К о л л е о н и, организаторе знаменитых итальянских наемников — кондотьерри. Что касается Петра Первого, то эту тему я постарался осветить с несколько новой точки зрения в том выпуске "Народной Монархии", который посвящен деятельности и результатам деятельности этого государя. Я не собирался и не собираюсь отрицать военно-научного значения Клаузевица. С двумя, однако, оговорками. Первая: ген. Клаузевиц не только теоретик войны, но также и пропагандист войны, а это все-таки противоречит и нашему национальному характеру и сущности нашей религии. Вторая: рассматривая войну с именно этой н е р у с с к о й точки зрения, он создает концепции войны, которые для России неприемлемы морально и которые, следовательно, не могут не вызвать и ряда чисто организационных "неполадок" в армии. Это приводит нас к вопросу, выходящему очень далеко за пределы газетной тематики: к вопросу о влиянии "западничества" и, скажем, "славянофильства" на Российскую Императорскую Армию, в особенности, в последнее столетие.

Полк. П. Н. Богданович все-таки признает тот факт, что Первая Мировая война с русской стороны возглавлялась "западниками" — ген. Сухомлиновым и ген. Алексеевым. Так что, если в Военной Академии сто лет подряд и происходил "бурный сдвиг" в сторону русской национальной военной доктрины, то на практике этот сдвиг не привел ни к чему: и организация и командование армией строились, так сказать, по западному образцу. Мне

казалось бы, что именно военная эмиграция должна была бы за эти тридцать лет как-то переоценить ряд организационных недочетов нашей армии, а не ограничиваться старыми перепевами о старой доблести.

В свое время в "Нашей Стране" полк. П. Н. Богданович поместил блестящий очерк о Куликовском сражении, как об образце "национального военного искусства". К сожалению, материалов такого рода в эмигрантской печати почти нет. И еще меньше — мыслей о том, чем и как были вызваны наши военные неудачи или полунудачи последних ста лет. Может быть, полк. П. Н. Богданович нашел бы время и для этих тем? Русская армия будет, конечно, как-то отстраиваться. И нужно бы стремиться к тому, что бы: а) эта армия стала бы в центре внимания нации, то есть, и правительства и общества, и б) что бы она была построена на национальных началах, — не только в декламационном, но и в организационном смысле этого слова.

Иван Солоневич.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть II — Дух Народа.

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

СРЕДИ НОВЫХ КНИГ

Брюссельским издательством "Жизнь с Богом" выпущена в переводе с французского брошюра Владимира Соловьева "Русская идея".

Не имея возможности дать в короткой заметке исчерпывающую характеристику этой работы замечательного русского философа, поэта и отчасти общественного деятеля Вл. С. Соловьева, мы позволим себе лишь напомнить читателям, что Соловьев жил в ту эпоху, когда православие в России стало подменяться либерализмом и социализмом, когда вышло первое русское издание "Капитала" Карла Маркса и материалистические теории всецело овладели умами "передовой" части русского общества. В своем философском мышлении Вл. Соловьев, с его страстной натурой, переживал многие потрясавшие его дух катаклизмы, порою блуждал в своих исканиях, порою и противоречил самому себе. Но при всем этом, он всю свою жизнь оставался глубоко русским человеком и мыслителем, национальным правдоискателем и правдолюбом и в своих политических убеждениях был всегда глубоко монархичен, понимая под самодержавием осуществление властью Помазанника на земле воли и велений Господа Бога. В силу этого мы приветствуем выпуск издательством "Жизнь с Богом" брошюры Вл. Соловьева "Русская идея" и рекомендуем ее нашим читателям.

Б. Ш.

Николай Кремнев.

КОНОКРАДЫ

Знаменитый собор Святого Марка в Венеции, представляющий собою совершенно непередаваемую смесь всех стилей и эпох, украшен также и бронзовыми византийскими конями, которых крестonosцы, а в их числе и представители пресветлейшей Венеции, отправившиеся освободить от неверных Гроб Господен в Иерусалиме, привезли сюда, среди прочей добычи, сняв с ипподромов Константинополя, подвергнув его православные святыни такому тотальному разгрому, надругательству и кощунству, которому не подверглась и наша многострадальная Православная Церковь не только во времена татарского ига, но даже в приснопамятные годы советского нашествия марксистских иноплеменников.

Ничто не ново под луной: для увлечения масс дается высококачественный и душеспасительный лозунг, а все кончается грабежом, огнем, убийством и насилем. В особенности грабежом, который в свою очередь делится на две категории: грабеж явный, когда озверевшая банда, потерявшая всяческий человеческий облик, сутками грабит побежденный город, подвергая его огню и мечу; или грабеж тайный, когда некая политическая партия, или концерт политических партий, вернее целый политический класс, находящийся при постоянном разделе государственного пирога, тайно и перманентно грабит своих бессловесных сограждан-налогоплательщиков, которым лишь один раз за несколько лет предоставляется фикция выборов своих будущих безответственных пиявок-правителей.

Недавно в Италии произошли муниципальные выборы и, о ужас, Итальянское Социальное Движение, которое называется также и неофашизмом, получило в несколько раз больше голосов, чем на предыдущих выборах, и стало третьей по порядку партией, после христианских демократов и коммунистов. Приключилось явление совершенно необыкновенное, никак не влезющее в узкие рамки правоверных демократических незыблемых принципов: весь юг Италии, справедливо считающийся самой бедной и обездоленной частью страны, голосовал за крайне-правых, т. е. за блок неофашистов и монархистов! В чем же дело? В обществе хорошего демократического тона уже давно вошло в традицию считать, что все униженные и оскорбленные в поисках социальной справедливости, т. е. улучшения своего материального положения, непременно должны голосовать в сторону левых, борющихся якобы за интересы трудящихся.

Но вот тут-то и происходит забавный курьез: где правая, а где левая сторона?

В доброе старое время, когда новобранцы даже культурных народов твердо не знали, где право, где лево, им привязывали к

правому рукаву сено, а к левому солому. И когда господин фельдфебель кричал сено, — то это значило направо, а когда кричал солома, — то это значило налево. И никаких "сумлений" не было. Вот мы и зададим теперь вопрос: куда и кому привязывать эту самую политическую солому? Полунищенское население Италии в поисках социальной справедливости, или, как это принято рутинерно выражаться, левого прогрессивного благоденствия, привязало свою левую солому к рукаву "крайне правых" реакционных партий неофашистов и монархистов. Лево прогрессивная буржуазно-капиталистическая функция так называемых христианских демократов оказалась разгаданной простым народом, которому было на что оглянуться в самое свое неотдаленное и еще всем памятное прошлое. Как и следовало ожидать, у христианских демократов, или, как сказал бы недоброй памяти покойный Геббельс, у плутократов, произошел страшный переполох, ибо воочию подтвердилось правило, что силой невозможно убить идею и сделать бывшее небывшим. Что же было делать? За примером далеко ходить не надо, — ясное дело: снова применить силу. И вот христианско-демократическое большинство итальянской палаты заседает не покладая рук и один за другим выносит запретительно-ограничительные декреты, направленные на пресечение Итальянского Социального Движения. Разумеется, что итальянская компартия подняла дикий вой антифашистской пропаганды. Положение, с первого взгляда получившее весьма неожиданное, но, для человека, умеющего смотреть на вещи без демократических шор, вполне понятное. Христианские демократы и коммунисты оказались в эти дни в одном лагере, может быть, без сговоров и соглашений, правда, но все же оказались. И тутшний раз автоматически подтверждается традиционный лозунг ортодоксальной демократии: не иметь врагов слева. В особенности, когда намечается враг справа.

В Италию приезжает генерал Риджвей. Коммунисты, разумеется, совершенно взбесились, на манер цепной собаки: их пресса обливает американского генерала невообразимым ассортиментом политических помоев, призывая итальянцев встать как один на защиту своей свободы и независимости. Не более и не менее! А в то же самое время "правые", неофашисты и монархисты, приветствующие генерала Риджвея, как главу антикоммунистической армии, подвергаются репрессиям демократии. Не иметь врага слева! У нас это тоже было в свое время. Всем известного, что из этого получилось. Страну принесли в жертву "высоким принципам"...

Удивляться, собственно, нечему. Можно негодовать, но это

уже другое дело. "Принципиальная" болезнь сделалась уже хронической. За примером недалеко ходить. Возьмем хоть нашу эмиграцию, разделенную, как это и полагается, на левых и правых, хотя, правда, трудно сказать, по каким признакам выделены сено и солома привязаны к партийным эмигрантским рукавам. Наши левые травят теперь большевиков, но... имеется это самое "но". В то время, когда наши "правые" воевали в белых армиях или сидели в чрезвычайных с результатами этого сидения весьма известными, наши "левые" лидеры, считая в те времена большевизм еще "прогрессивным" явлением, были у красных на свободе, "кооперировали" с ними, как то там жили, и лишь впоследствии окончательно идейно разойдясь с большевиками, или бежали, или попросту были высланы за границу. И тут удивляться-то, собственно, нечему: ну, как не порадеть родному человечку, — ведь в их идеологическом капище идолы-то те же: декабристы, Герцен, а у некоторых и сам Карл Маркс! "Правых", белогвардейцев, насколько помнится, большевики за границу не выслали. Совсем наоборот, на границах завели ищеек. Знали, кого выслали... Знали также, кого "выводили в расход"...

Когда же окончилась последняя война, многие левые эмигранты, уверовав в эволюцию большевиков в сторону демократической прогрессивности, обратились в советских патриотов, а их лидеры стали писать дифирамбы сталинской мясорубке. То же самое произошло и со многими правыми эмигрантами, уверовавшими в эволюцию большевиков в сторону русского национализма. Но вскоре, по мере вращения мировой политики на 180 градусов эти мудротяжущиеся сов. патриоты демократического происхождения вновь "переменили вежи" и опять "выслали себя" в стан демократии, где и были приняты с распростертыми объятиями. Возьмем, хотя бы, Тэффи: до революции сотрудничает в журнале Ленина, потом в парижском правом "Возрождении", затем в прогрессивных "Последних Новостях", затем в 1945 году в советской газете в Париже "Русские Новости", а теперь она вновь в стане прогрессивной демократии, где ее чествуют с небывалым энтузиазмом в стихах и в прозе. То же и Георгий Адамович, литературный критик: из лона союза советских патриотов в объятия "Нового Русского Слова". Объятия демократии этим товарищам раскрываются автоматически и широко. Не иметь врагов слева... Все же они родные человечки, эти блудные товарищи! В "правый" же лагерь возврата из советского эдема нет.

И вот теперь в Италии, по случаю американского генерала, милые, демократы и коммунисты, бранятся только тешатся и в трогательном единомышлении травят блок монархистов декре-

тами. Не иметь врагов слева... А изумленному наблюдателю еще лишний раз дается картина смычки во всей своей наготе демократии с коммунизмом!

С такими думами, вспоминая разговоры с представителями итальянского "пролетариата", брожу я по несравненной Венеции. И кажется мне, что бронзовые византийские кони на фасаде Св. Марка лишь хитро ухмыляются, угадывая мои мысли: им-то уж доподлинно известно, как они были украдены в Константинополе рыцарями-грабителями под предлогом освобождения от неверных Святой Земли.

Но иногда очковитирательство перестает вдруг быть эффективным и... южные итальянские полунищие, населяющие лабиринты хотя и живописных, но узких и грязных неаполитанских улиц, начинают голосовать за "правых"!

Улица, улица,
Ты ведь пьяна!
Правая, левая
Где сторона?

Венеция, июль 1952.

Николай Кремнев.

П. С.— Из сверхдемократической Франции пришло известие о выпуске из тюрьмы секретаря компартии Жака Дюкло. Этого надо было ожидать. Но можно совершенно категорически утверждать, что если на месте Дюкло оказался бы какой-нибудь "правый", обвиняемый лишь в подобию деяний Дюкло, то его не только не выпустили бы из тюрьмы, но непременно отправили бы в места не столь отдаленные. А, может быть, и в такие, где души, освободившиеся от своего брэнного "оформления", живут уже совершенно бесплотно... Не иметь врагов слева...

Н. К.

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аннуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и поступили в продажу

"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"

Б. БАШИЛОВА.

эту и другие книги Б. Башилова можно выписывать от автора:

В. Bashiloff,
San Martín 344, Villa Ballester
F.C.N.G.B.M. — Argentina

В САЩ книги Б. Башилова можно выписать от:

Mrs. M. S. Kingstone, 11, Wolfe Ave, San Rafael, Calif.; Mr. Wsewolod Boyew, 4582 Achland Ave, Chicago 9, Ill.; Mr. Alekseeff, 480, Canal Str., New York 13, N. Y.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"

Политическая Хроника

ПАПА РИМСКИЙ — РОССИИ

В день памяти Свв. Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских, т. е. за несколько дней до Дня Русской Культуры, Папа Пий XII обратился с апостольским посланием ко всем народам, населяющим Россию и составляющим Российскую нацию, в подавляющем большинстве своем православную. Для Ватикана это исторический день: Римский Первосвященник впервые за всю историю католической церкви обратился к иноверному народу, не призывая его к соединению с католической церковью, как это было при посланиях Папы Льва XIII к англичанам. В своем обращении Папа Пий XII призывает русских исключительно к совместной защите наследия веры Христовой, которое является общим достоянием всех последователей Его учения.

Папа начинает свое послание, молитвенно поручая народы России святому попечительству и защите Богородицы. Далее он делает несколько исторических ссылок, отмечая в них тесное общение Римского Престола и первых христианских Русских князей от Владимира Святого до Ярослава Мудрого включительно.

Переходя к современности, Его Святейшество пишет: "Нам известно — и из этого мы черпаем великое утешение, что вы (русские) любите и почитаете с пламенной преданностью Пречистую Деву Марию, Матерь Божию, и поклоняетесь ее святым иконам. Мы знаем, что не может исчезнуть надежда на спасение там, где души с искренним и неугасающим благочестием молятся Пресвятой Богородице... как бы ни старались люди нечестивые, хотя бы и могущественные исторгнуть из сердец своих сограждан святую христианскую веру и христианские добродетели, даже если сам сатана всеми своими силами и изощрениями покровительствует успеху этой кощунственной борьбы".

Послание заканчивается молитвенным обращением к Богородице о даровании сил русским душам для победы и торжества над нечестием и ложью. Это апостольское послание Римского Престола было целиком напечатано в выходящем на нескольких языках его официозе "Оссерваторе Романо", в выдержках дано с комментариями крупнейшими итальянскими газетами и через несколько дней выпущено порусски отдельной листовкой.

Комментируя его "Оссерваторе Романо" пишет: "Защита христианского народа, религиозно угнетаемого, протест против причиняемых ему моральных мучений, воззвание к нему является логическим выводом из самых священнейших прав человеческой личности, из понятия о человеческой свободе..." и далее "под угрозой находится вся жизнь и судьба одного из самых многочисленных в мире народов, на пути своего культурного развития".

Это обращение Римского Папы к русскому народу, несомненно, не будет допущено до его ушей, тем не менее его роль в католическом мире огромна. Святой Римский Отец признал в нем сохранение религиозного чувства в среде поработанных масс русского народа, отметил значение этого народа в мировой истории и тем самым призвал всех католиков к братской помощи ему в его борьбе против сил Антихриста.

Желаю купить РУССКИЕ ЗАГЛАВНЫЕ ШРИФТЫ

(20 - 28 - 36 - 48 пунктов)

Обращаться:

ул. Доррего 1102, Буэнос Айрес
или по телефону — 54-4644.

Резыски

Инженера Александра Борисовича МУХИНА из Белграда разыскивает Андрей Васильевич ПАПКОВ. Сведения о нем просят направлять по адресу:

Sr. A. Papkov
calle Juan de Garay 271, dep. 17
Olivos, FCNGBM
Prov. Buenos Aires, Argentina

Разыскиваю брата — Бориса Михайловича БОЛДЫРЕВА, служившего в Ингерманландском конном полку Белой Армии и эмигрировавшего из России в 1920 году. Знающих что-либо о нем прошу уведомить меня по адресу:

Sr. N. Boldireff
Yacimiento Presidente Perón
Gallegos de Santa Cruz
Casilla de Correo 29, Cas. 94

По тому же адресу прошу отозваться однополчан Дроздовцев и соучеников гимназистов гор. А., служивших в батальоне-полку полк. Манштейна.

Разыскивается Владислав НАСЕННИК, рожд. 1926 г., шофер. Сообщить отцу:

G. Nasennik
1008 E. Adams Str.
Syracuse, N. Y., U. S. A.

Читайте и распространяйте
"НАШУ СТРАНУ".

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

— Это я-то забулдыга? — Степка возмущенно замахал руками перед самым носом Федотыча, — это я-то забулдыга? Ты, вот, спроси, как я там, на мосту, с цельным автомобилем чекистов справился! — Вот ты бы попробовал... Я, вот, тебе забулдыгу покажу!

— Ты, паря, брось руками размахивать, — сказал Федотыч совершенно спокойно. — Тут нам, может, придется перестрелку иметь, а ты все к водке присасываешься — вы уж ему, Валерий Михайлович, больше не давайте. Налижется, всех нас подведет, а дело опасное.

— Нет, он не подведет, — сказал Валерий Михайлович. — А, кроме того, мы ему больше не дадим...

Степка обнаружил создавшийся против него единый фронт и примирился со своей участью.

— Тут не в водке дело, а в том, что в горле пересохши. Раненый я. А тут еще пришлось и на разведку бегать, и отца Петра спасать, и от пограничников драпать, — да еще вот этот медведь на меня навалился. А тайгу, брат, я знаю, не хуже тебя, так что ты тут тоже не задавайся!

Огромный китаец все еще сидел на земле, ощупывая руками свою грудь: цела все-таки или поломана? И поглядывал на Еремея Павловича с видом уважения.

— Так что ты, как тебя звать? — Дылда?

— Нет, не Дылда, а Чжо-Мин.

— Так что ты, Чжо-Мин, работаешь и на русских и на китайских большевиков? — спросил Валерий Михайлович.

— Нет, не на большевиков. На китайцев.

— Тебя и твоего товарища назначили проводниками к этому генералу?

— Нет, не товарища. Это был мой сын.

Еремей Павлович протяжно свистнул.

— Так это, значит, твоего сына этот генерал ухлопал?

— Сына. Генерал или не генерал, этого я не знаю.

— Нужно обыскать и его и его мешок, — приказал Валерий Михайлович.

Китаец безразлично пожал плечами. Федотыч с Федей опорожнили на землю мешок. В нем, кроме продовольствия и еще кое-каких дорожных вещей, были звериные шкурки — почти исключительно соболиные, представляющие собою большую ценность и, среди шкурок оказался пакет — довольно объемистый, запечатанный пятью сурьучными печатями. Федя передал этот пакет Валерию Михайловичу. В пакете оказалось какое-то послание на китайском языке и пачка акций какой-то голландско-индонезийской компании — тоже на очень большую сумму. Степка просунул

свою голову через плечо Валерия Михайловича.

— А это должно быть по-китайски, — констатировал он почему-то довольным тоном, — ну, по-китайски нам отец Петр прочтет.

— А он знает китайский язык? — спросил Валерий Михайлович.

— Отец Петр знает все, как полагается, — ответил Степка, отдавая Валерия Михайловича спиртным духом. — А что эти бумаги значат, так про это даже и я не знаю.

— Еще пакет, — сказал китаец, доставая откуда-то из-за пазухи маленький, оклеенный плотной клеенкой конвертик. Валерий Михайлович осмотрел его со всех сторон, взял нож и распорол конверт. Внутри его оказалось еще какое-то послание по-китайски и какая-то нарисованная разноцветной тушью карта местности, в которой Валерий Михайлович ничего не мог разобрать. На карте были какие-то стрелки и кружки, какие-то иероглифы, вообще, карта очень походила на те таинственные издания пиратского картографического искусства, на которых всякими символическими способами обозначали зарытые клады. Степка пришел в состояние крайнего возбуждения:

— Эти места обязательно нужно найти. Это тут не просто. Может золото зарыто.

— А тебе к чему это золото? — спросил его Еремей Павлович.

— Как к чему? Дом построю, жену заведу, довольно уж мне по тайге беспризорником шататься.

— Ты бы, Степка, сколько бы

золота ни получил, пропьешь все, да и сам сопьешься.

— Я-то? Сопьюсь? Ты не смотри, что ты такой медведь, а я человек, как человек, выпить я могу не меньше твоего. А кто на Троицком мосту цельный автомобиль с чекистами ликвидировал? Кто, я тебя спрашиваю?

Валерий Михайлович прервал этот спор.

— А что у тебя еще есть? — спросил он китаец.

— Больше ничего. Можно смотреть. Сына тоже нет. Генерал убил. В меня тоже стрелял.

— Действительно, — подтвердил Федя, — вот тут в мешке две дырки. Одну пулю мы нашли — вот она! — он протянул Валерию Михайловичу блестящую никелированную пистолетную пулю, которая, врезавшись в пачку мехов, никак не деформировалась в ней. Валерий Михайлович осмотрел эту пулю и положил ее себе в карман.

— Дурак ты, ходя, — сказал он китаец.

— Не ходя, а Чжо-Мин. А почему дурак?

— Потому что твоим китайцам еще хуже будет, чем нашим русским. У нас хоть тайга есть, а у вас человек на человеке сидит. Вот придут такие Медведевы или генералы — они вам покажут!

— Генерала нужно повесить, — упорно повторил китаец.

— Так что же нам с ним-то делать, с этим Дылдой, — спросил Федотыч.

— Вместе пойдем, — заявил китаец само собою разумеющимся тоном. — Мой сын там лежит.

— Ну, на этот привал нам итти

JUAN SOLONEWITSCH

TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

Dos tendencias — Incidentes — Exploración psicológica — Principio de la guerra — Primeros días — Improvisación — En la mitad de la guerra — Fin de la guerra.

FIN DE LA GUERRA

El 2 de julio de 195..., el comandante en jefe del Ejército Ruso dirigió la siguiente orden al Ejército: "Soldados del Ejército de la liberación de Rusia, Vds. saben que nuestro Ejército existe, y que contamos con seis millones de hombres, pero Rusia todavía no lo sabe. Con viveza diabólica Stalin ha repetido su vieja maniobra. El, que luchó toda su vida contra la fe en Dios, ahora, en el umbral de su caída, invoca el nombre de Dios. Soldados del Ejército de la liberación, nosotros debemos seguir hasta el final. Recuerden que ya no hay camino para retroceder, de modo que indefectiblemente debemos librar la última y decisiva batalla. Ante nosotros se abren sólo dos caminos: Victoria o muerte! Viva Rusia liberada! Viva la paz liberada!"

Desde el 4 de julio en la línea Velike Luky—Dorogobug—Brainsk, comenzaron las más terribles batallas de la guerra. El Ejército de la liberación de Rusia comenzó sus veloces ataques apoyados por to-

das las existencias de la O.O.N. El día 10 de julio ya se empezaron a notar tres quebrantos en el frente enemigo en dirección a Moscú. De Moscú fueron enviados las últimas y mejores partes del ejército del M.V.D. Desde el Oriente llegaban las bien adiestradas formaciones chinas. José Stalin, a pesar de su salud, hacía lo mismo que en su tiempo — en la primera guerra civil — hiciera León Trotzky: él mismo inspeccionaba el frente. La propia defensa de Moscú fué confiada al Mariscal Zukov. En Moscú corría el rumor de que Stalin y Politburo, en el peor de los casos, iban a retroceder hasta la China comunista.

El 22 de julio, José Stalin se dirigió al pueblo con una nueva proclama: "Como en el año 1941, el avance enemigo ya está frenado, y como en 1942 — nosotros pasamos a atacar".

El 24 de julio a las 19.30, todo el mundo fué sacudido por otra radio transmisión. Con la firma del mariscal Zukov y otros principales generales del Ejército Soviético, se comunicaba, que por resolución del Superior Consejo de guerra, José

Stalin con todos los miembros del Politburo y además casi la mitad del comité central del partido, habían sido arrestados y ahorcados. Las fotografías de las ejecuciones fueron difundidas por toda Rusia, acompañadas por textos especiales. En dichos textos se decía de Stalin y del Politburo, la que se dice siempre de los regímenes depuestos: Que él fué quien llevó al país a la ruina. Además en los textos figuraba la propuesta de una "paz honesta" y de una tregua inmediata. Al pueblo se le prometía toda clase de posibles e imposibles libertades. También figuraba una llamada al Ejército libertador Ruso instándolo a salir bajo el mando de los extranjeros y a pasar bajo el mando de los generales rusos, que ganaron la segunda guerra mundial y no de Stalin como decían antes.

Todo esto se parecía a la explosión de la bomba atómica. En EE. UU. se inició inmediatamente la campaña de pacifismo, de aislamiento y de desarme porque se decía: ya no existe más ni el comunismo ni Stalin y dicho sea de paso se nos termina el dinero. En una palabra: Viva el Mariscal Zukov! Más o menos según el mismo esquema en 1945 gritaban vivas a Stalin.

(Continuará)

сейчас нечего. Нужно эту банду по дороге перехватить.

—А я знаю, как, — вмешался Степка, — я такое место знаю, вот там, где я разведку делал.

Федотыч посмотрел на Степку с явным пренебрежением.

—А ты думаешь, я здесь ничего не знаю? Где ты был на разведке?

—Вот так, — начал разглагольствовать Степка, размахивая руками во все стороны, — если от привала вниз, да потом по распадку вправо, да потом через ручей, так будет слева такая скала, а на самой скале — кедр, а потом через скалу, и вниз, — там река, а напротив, через реку, тропка идет каменистая...

—А за тропой, стена и тропа заворачивает вот так, — тут Федотыч показал рукой, как заворачивает тропа, — а на повороте такая глыба, красный камень и на камне расщелина.

—Правильно, — подтвердил Степка.

—А как ты это место нашел?

—А я на гору смотрел — как она идет. И на реку смотрел и как тропка итти может, а потом мы по этой тропе тоже шли...

—Ну, ты не такой уж дурак, кажется, — снисходительно сказал Федотыч.

—Я-то?

—Ну да, ты.

—Совсем дурак. Вот отец Петр мне самострел дал, а я, дурак, его там, понад тропкой оставил. Будь самострел, я бы этого медведя ухлопал и пограничников перебил бы, как рябков. А потом я к отцу Петру торопился, что-то неладное чуял, — опять самострел забыл.

—Как далеко до этого места? — спросил Валерий Михайлович.

—Пора уже идти, — неопреде-

ленно сказал Федотыч. —Пока мы дойдем, пока мы там заляжем, — время пройдет, а тут больше делать нечего.

Чжо-Мин, никого ни о чем не спрашивая, поднялся с земли, тяжело вздохнул, как бы проверяя целостность своей грудной клетки, и поднял свою берданку.

—А ты, — обратился он к Еремею Павловичу, — сильный мужик. Очень сильный мужик.

—Так чего же ты лез? — еще раз спросил Еремей Павлович.

—Хотел на привал вернуться, генерала застрелить, а этот, — китаец показал на Степку, — этот по дороге... Разве я знаю?

Валерий Михайлович посмотрел несколько скептически и на китаец и на его берданку.

—Слушай, Чжан Мин, ты, можешь быть, честный китаец... Ты не обманешь?

Чжо-Мин повернул к Валерию Михайловичу свое мрачное и злобное лицо.

Чжан-Мин никого не обманывал. Чжан-Мина все обманывали. Теперь сказали этого старика провожать, свой человек. Старик убил сойота, убил моего сына, хотел убить меня. А другого сына у меня нет. Все обманывали. А ты не обманешь?

—Так ты, ведь, мне ни для чего не нужен, — зачем я тебя буду обманывать? Можно, ведь, здесь пристрелить и кончено дело.

—Можно пристрелить, — согласился китаец. —Вот старик — пристрелил. А Чжан-Мин будет тебе нужен. Я знаю — ты Светлов!

—Откуда ты знаешь?

—Все знают. Светлова искали. У Чжан-Мина уши есть и глаза есть. Я знаю — ты Светлов. Старик шел тебя искать, разведку

делать. Я — знаю. Чжан-Мин будет нужен. Этот, — китаец ткнул свободной от берданки рукой в сторону Еремея Павловича — это сильный человек. Чжан-Мин тоже сильный человек. Но этот — глупый человек, в тайге сидит, ничего не знает. Чжан Мин ходит туда, ходит сюда, Чжан Мин знает много. Чжан Мин не обманет. Один был сын у Чжан Мина, и его нет. Там убивают, тут убивают. Семья была — японцы убили. Сын был — русские убили. Думал, русские будут японцев бить. Теперь — и сына нет.

—Ну, русские тут не при чем, — сказал Валерий Михайлович.

—Одни русские такие, другие русские другие. Ты не обманешь. Пойдем.

Чжо-Мин перекинул берданку через плечо и круто повернулся по тропе.

—А ты все-таки, Дылда, тут не очень командуй, — остановил его Федотыч, — сами знаем, куда и когда итти.

—Нужно скоро итти, — ответил китаец. —Они там ждать не будут. Нужно здесь людей оставить, может быть, они на заимку пойдут.

Еремей Павлович забыл даже и о том, что китаец обозвал его дураком:

—Почему на заимку, что им делать на заимке?

—Старик на заимку шел. На разведку. Почему — я не знаю. Могут и сейчас пойти. Людей много, оружия много. Могут пойти.

—Это все мы сейчас доподлинно узнаем, — сказал спокойным тоном Федотыч. —А торопиться —некуда, перехватить их мы все равно успеем.

(Продолжение следует).

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Oliva 227, Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765 1/2 Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10755 — 117 str., Edmonton, Alta.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts, 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 уругв. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 шилл. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Васильюти, при церкви на ав. Альвар.